ДК
330 Польша
Ц-27 АЦ
Цветаев
Новосильцев
о
конституции
царства...

DK
330
Польша
427

Иванов Д.В.

Новосильцевъ о конституціи царства Польскаго.

По новымъ архивнымъ даннымъ.

Извѣстны обстоятельства, среди которыхъ создалась Польская конституція 1815 года, и отношенія къ ней и къ русскимъ со стороны различныхъ классовъ польскаго населенія того времени [1]). Поэтому напомнимъ здѣсь лишь о нѣкоторыхъ ближайшихъ фактахъ.

Въ день спѣшнаго выѣзда съ Вѣнскаго конгресса ближе къ новому театру войны, на Рейнъ, императоръ Александръ I утвердилъ для учреждаемаго царства Польскаго „Основы конституціи“ и подписалъ соотвѣтственный манифестъ (13/25-го мая 1815 г.). Относительно устройства царства опредѣлялся на конгрессѣ лишь общій принципъ, а форма предоставлялась добровольному усмотрѣнію государя. Принимая титулъ царя польскаго, Александръ предоставлялъ себѣ право даровать этому государству, предназначенному состоять подъ особымъ управленіемъ, то „внутреннее развитіе“ (extension intérieure), которое признается за благо. Посему ни въ „Основахъ“, ни въ манифестѣ еще не было точныхъ и достаточныхъ опредѣленій формы, и ее предстояло выработать. Послѣ торжествъ объявленія царства и по принесеніи жителями присяги, комитетъ изъ польскихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго, занялся составленіемъ „конституціонной хартіи“ или устава, при чемъ государь желалъ видѣть въ управленіи формы возможно „либеральныя“.

[1]) Послѣдняя монографія по данному предмету—Н. Ѳ. Дубровина „Послѣ Отечественной войны“, „Русская Старина“, 1904, февр. кн.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
533140.

Недостатка въ нихъ не было въ изготовленномъ актѣ. Государь подписалъ (15/27-го ноября) его въ Варшавѣ, среди шумныхъ торжествъ, на возвратномъ своемъ пути чрезъ нее изъ-за границы. Намѣстникомъ своимъ государь назначилъ, однако, не князя Адама Чарторыйскаго, мечтавшаго о занятіи этого поста, а осторожнаго ветерана, польскаго генерала князя Заіончека; великій князь Константинъ Павловичъ остался главнокомандующимъ русскою и польскою арміей съ оффиціальнымъ званіемъ лишь генералъ-инспектора всей кавалеріи; коммиссаромъ императорско-царскаго величества былъ другъ дѣтства и довѣренное лицо государя, Н. Н. Новосильцевъ. Вскорѣ послѣдовало и торжественное объявленіе утвержденнаго акта, со врученіемъ его сенату (12/24-го декабря).

Цѣлью государя было щедрыми своими дарами вызвать въ полякахъ прочныя чувства признательности и тѣмъ тѣснѣе связать царство съ имперіей. До довершенія дѣла конституціи польскіе руководители видимо и держали себя такъ, чтобы укрѣплять его въ такой мысли. Высшаго своего выраженія новыя дружественно-польскія отношенія достигли въ первый пріѣздъ (31-го октября—18-го ноября с. ст. 1815 г.) Александра въ Варшаву, въ качествѣ общепризнаннаго царя польскаго. Затѣмъ, по утвержденіи и объявленіи конституціонной хартіи дѣла стали быстро измѣняться.

„Никогда завоеванная нація“, замѣтилъ Прудонъ, „не была въ такомъ счастливомъ положеніи“, между тѣмъ „мечты поляковъ послѣ 1815 г. направлены были единственно къ тому, чтобы воспользоваться дарованною имъ Александромъ I конституціею, какъ орудіемъ противъ него же“. Главная масса населенія была, правда, довольна, что избѣгла опасности новаго раздѣленія между сосѣдними державами и осталась подъ властью русскаго императора; она не проявляла враждебныхъ дѣйствій. Самъ намѣстникъ, умудренный опытомъ, старался еще примирять возникшіе русско-польскіе интересы [1]). Совсѣмъ иначе желало бы большинство другихъ видныхъ дѣятелей. Подъ покровомъ той самой конституціи, которая, по намѣреніямъ государя, должна была служить прочною основой къ лучшему объединенію царства съ

[1]) „Я долженъ засвидѣтельствовать“, записалъ о кн. Заіончекѣ современникъ, хорошо знавшій его, Kozmian, „что свои надежды и такой образъ своихъ дѣйствій онъ опредѣлялъ убѣжденіемъ, что Польша можетъ существовать, имѣть значеніе и сохранять свою народность лишь только въ соединеніи съ Россіей; онъ полагалъ, что отъ нашихъ усилій возстановить полную независимость, причинившихъ столько бѣдствій нашему краю, слѣдуетъ отказаться, и слѣдуетъ въ соединеніи съ Россіей искать навсегда обезпеченія права польской народности и достиженія матеріальнаго благосостоянія; и этой цѣли онъ посвятилъ всѣ свои силы“. Наша статья въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, 1898. I, 35.

имперіей, они всѣми мѣрами старались развивать отдѣльность, обособленность, подготовлять даже независимость царства, иные не замедлили проводить идеи и прямо республиканскія. Особенно упорно дѣйствовала партія Чарторыйскихъ, о которой еще въ 1816 г. Заіончекъ доводилъ до вѣдѣнія государя, что она „походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія". Сеймы чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дѣлались бурными.

Редакція конституціи, дѣйствительно, какъ бы намѣренно допускала весьма растяжимыя толкованія; кромѣ того, польскій ея текстъ, изданный варшавскимъ сенатомъ, уходилъ въ этомъ отношеніи еще далѣе французскаго оригинала, подписаннаго рукою Александра.

„Конституціонный уставъ" располагался въ такомъ порядкѣ: политическія отношенія царства (1 глава), общія гарантіи (2 глава), правительство (3 глава съ подъотдѣлами), царь, регентство, намѣстникъ и государственный совѣтъ и проч.; національное представительство (4 глава), и проч. [1]).

Обязанный наблюдать за общими государственными интересами, комиссаръ императорско-царскаго величества Новосильцевъ счелъ своимъ долгомъ представить государю свое мнѣніе о редакціи „конституціоннаго устава" съ присоединеніемъ проекта устава въ исправленномъ видѣ.

Въ одномъ изъ варшавскихъ архивовъ сохраняется отрывокъ французскаго черновика записки Новосильцева, заключающей въ себѣ мысли, которыя должны были войти въ это всеподданнѣйшее представленіе [2]).

---

[1]) *Charte Constitutionelle du Royaume de Pologne.*

Titre I: Relations politiques du Royaume.
Titre II: Garanties générales.
Titre III: Du Couvernement.
Capitre I: Du Roi.
Capitre II: De la Régence.
Capitre III: Du Lieutenant et du Conseil d'Etat.
Capitre IV: Des branches de l'Administration.
Titre IV: De la Représentation Nationale.
Titre V: De l'Ordre judiciaire.
Titre VI: De la force armée.
Titre VII: Dispositions générales.

Ustawa Konstytucyina Królestwa Polskiego.

Tytuł pierwszy: Stosunki polityczne Królestwa.
Tytuł drugi: Zareczenia ogólne.
Tytuł trzeci: O Rządzie.
Rodział pierwszy: O Królu.
Rodział drugi: O Regencyi.
Rodział trzeci: O Namiestnikw i o Radzie Stanu.
Rodział czwarty: O Wydziatach Rządowych.
Tytuł czwarty: O representacyi Narodowéy.
Tytuł piaty: O Sądownictwie.
Tytuł szósty: O sile Zbroynéy.
Tytuł siódmy Urządzenia Ogólne.

[2]) Архивъ новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора, по описи № 811: Дѣла Архива собственной Канцеляріи намѣстника его императорскаго-царскаго величества въ царствѣ Польскомъ: „Бумаги Н. Н.

Въ виду исторической цѣнности его, мы приведемъ его весь, въ возможно близкомъ переводѣ къ подлиннику.

...„Демократическій и революціонный принципы—излагается въ немъ—привьютъ гангрену всему народу и, наконецъ, вызовутъ въ немъ пламенное желаніе перемѣнить монархическое, даже отечески-попечительное, правительство на самое тираническое и буйное, основанное на самодержавіи народа, т. е. на правительство республиканское.

„Во всякомъ другомъ предметѣ слишкомъ пристальное и подробное разсматриваніе формы и порядка можно бы считать педантизмомъ, но не въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о предметѣ такого большаго значенія, какъ конституціонная хартія. Здѣсь какъ нельзя болѣе слѣдуетъ взвѣшивать каждое употребляемое слово, никогда не будетъ здѣсь лишнимъ обращеніе самаго строгаго вниманія на порядокъ, въ которомъ предметы идутъ одинъ за другимъ, и никогда не надо бояться быть безъ мѣры воздержнымъ: надо сказать только то, что необходимо выразить. Если актомъ столь необыкновеннымъ, какъ хартія, создаются постановленія о предметахъ, необходимыхъ по существу и сущность которыхъ можетъ мѣняться, то правительство лишь совершенно напрасно свяжетъ себѣ руки и само себѣ подготовитъ затрудненія къ тому времени, когда обстоятельства потребуютъ реформы. Редакція слишкомъ небрежная или неточная также представляетъ очень серьезныя неудобства: она даетъ людямъ поводы и средства увеличивать то, что законодатель считалъ нужнымъ въ своей мудрости пожаловать имъ; возбуждаетъ въ различныхъ учрежденіяхъ стремленія къ расширенію своихъ правъ на счетъ другъ друга и даетъ пищу ненависти, которую враги общественнаго спокойствія желаютъ внушать въ народахъ противъ авторитета власти.

„Но что болѣе всего способствуетъ тому, чтобы сбивать людей съ дороги въ ихъ политическихъ мнѣніяхъ и давать имъ ложное направленіе, это—порядокъ въ распредѣленіи предметовъ, особенно когда ставятъ ихъ на мѣстѣ несообразномъ съ требованіями сущности правительства. Напримѣръ, мы видимъ, что въ монаршей конституціи поставили „царь“ послѣ „правительство“, а главу „правительство“ послѣ главъ о гарантіи и о политическихъ отношеніяхъ. Нетрудно предвидѣть толкованія, къ которымъ такіе недостатки должны давать поводъ, и послѣдствія, которыя отсюда должны происходить. Послѣд-

---

Новосильцева, найденныя въ бывшемъ Варшавскомъ Обществѣ любителей наукъ между бумагами Сташица“.—Судя по сохранившейся описи бумагъ Новосильцева, ихъ оставалось и было много, и необыкновенно цѣнныхъ для исторіи того времени, но изъ нихъ теперь въ Архивѣ лишь самое небольшое число... Со временемъ мы сообщимъ и объ этихъ остальныхъ документахъ.

ній недостатокъ, крайне большой въ теперешней конституціи королевства, былъ видимо намѣренно скомбинированъ со всѣми, уже указанными выше, недостатками, чтобы этимъ создать одно цѣлое, способное относительно формы правительства производить въ душѣ публики только чувства и идеи, совершенно противоположныя правительству, какое монархъ имѣлъ въ виду установить по конституціи, пожалованной имъ народу лишь по своему великодушію.

„Если все изложенное выше о конституціи будетъ ясно доказано въ „Запискѣ“ и въ „Комментаріи“ (dans le Mémoire et le Commentaire) о нынѣшней конституціи царства, которыя я предполагаю представить и о которыхъ я только-что говорилъ; и если нашъ августѣйшій монархъ будетъ убѣжденъ, что все зло, котораго можно опасаться, и все вліяніе, которыя головы экзальтированныя, приверженцы своихъ партій и разрушители порядка и общественнаго спокойствія, могутъ имѣть на людей слабыхъ, незнающихъ и неопытныхъ, если, говорю, онъ будетъ убѣжденъ, что все это зло и вліяніе происходитъ отъ плохаго состава конституціи, дающей поводъ сбивать съ дороги публику, которая можетъ толковать, какъ угодно, неясное и двусмысленное въ семъ актѣ: то, конечно, тотъ же самый благодѣтельный геній, который даровалъ конституцію, теперь по прежнимъ же мотивамъ гуманности и великодушія будетъ заботиться также наконецъ объ очищеніи ея отъ всего, могущаго находиться въ ней несовмѣстимымъ съ монархическимъ правительствомъ и способнаго возбуждать и поддерживать въ душѣ народа иллюзіи, опасныя не менѣе химерическихъ.

„Такъ какъ я убѣжденъ въ истинности сего, то я почелъ своимъ новымъ долгомъ преданности и признательности самому могущественному и великодушному государю—повергнуть къ его стопамъ опытъ конституціи царства исправленной и приведенной въ гармоническое соотвѣтствіе съ истиннымъ существомъ правительства (un essai de Constitution du Royaume, revue et mise en harmonie avec la vraie nature de son gouvernement). Я надѣюсь, что, выполняя такимъ образомъ святой долгъ, предписываемый мнѣ постояннымъ ко мнѣ довѣріемъ монарха, я вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаю существенную услугу польскому народу, отношенія котораго ко мнѣ неизмѣнно таковы, что я могъ быть всегда только доволенъ ими. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не услуга, и большая, по крайней мѣрѣ въ глазахъ спокойныхъ гражданъ, уважаемыхъ людей,—предложить средство, способное придать конституціи авторитетъ и постоянство, которыхъ она не имѣетъ и имѣть которыя она не можетъ, и надѣяться, пока она хранитъ въ себѣ сѣмена собственнаго своего разрушенія? Развѣ это—не спасать ее отъ несомнѣнной опасности, стараться очистить ее, отстраняя изъ

нея все, что не принадлежитъ къ ея системѣ и что тѣмъ не менѣе даетъ развращеннымъ и безпокойнымъ людямъ средства сбивать съ пути общество и поддерживать въ немъ иллюзію, будто оно можетъ требовать республиканскаго представительства, представительства самодержавнаго народа? Какой человѣкъ можетъ быть столь ограниченнымъ, чтобы не предвидѣть, что такія требованія совершенно недопустимы правительствомъ Россійской имперіи, которая, при ея колоссальномъ могуществѣ, ея народонаселеніи и громадномъ пространствѣ, не могла бы ни въ какомъ случаѣ поддерживать себя въ своей силѣ, цѣлости, благѣ и величіи при какомъ-нибудь иномъ правленіи, какъ только подъ правительствомъ монархическимъ? Развѣ можно предполагать, что эта монархія, соединенная съ царствомъ Польскимъ, составляющимъ едва 15-ю часть ея народонаселенія, позволила терпѣть близъ себя и, такъ сказать, на собственной груди распространеніе принциповъ, долженствующихъ уничтожать правительство, на которомъ основано счастіе и спокойствіе ея, вопреки большей части державъ Европы, находящихся теперь въ пожарѣ или наканунѣ пожара? Развѣ это не настоящее сумасшествіе—думать, что самодержавная власть будетъ равнодушными глазами смотрѣть въ средѣ членовъ сейма на этихъ рабскихъ подражателей апостоловъ революціи, на этихъ поклонниковъ и на эти отголоски самыхъ извѣстныхъ въ Европѣ демагоговъ, когда они обезьянски провозглашаютъ въ своихъ рѣчахъ самыя пагубныя доктрины, ошираясь на правѣ, что они, по конституціи, будто-бы могутъ говорить съ безмѣрной свободой? Конечно, нѣтъ; никакой благоразумный человѣкъ не позволитъ себя питать подобной иллюзіей, не можетъ такъ ошибаться и не видѣть исхода, котораго должно ожидать, если бъ существованіе конституціи царства служило только предлогомъ и средствомъ деморализировать народы и ставить въ неудобное положеніе, компрометтировать время самое...“ (благополучное?)

На этомъ обрывается записка; въ концѣ ея, на полѣ, имѣются еще двѣ замѣтки:

„На глазахъ верховной власти законъ общаго спасенія стоитъ выше всякаго другаго закона“ (Aux yeux de la Puissance Souveraine, la Loi du Salut public est au dessus de toute autre).

„Конституціи не только подчинены сему закону, но даже онѣ не имѣютъ ничего положительнаго, кромѣ заботы, какъ только подкрѣплять и обезпечивать это общее спасеніе“ (Les Constitutions sont non seulements subordonnée à cette loi, mais elles n'ont même rien de réel si ce n'eut été le soin d'assurer et de garantir ce même salut).

Для кого предназначалась Новосильцевымъ эта его записка—во-

просъ второстепенный [1]). Важны тѣ воззрѣнія, которыя высказываются авторомъ, и его сообщенія объ исправленіи имъ текста конституціи королевства. Вопросъ о политическихъ взглядахъ Новосильцева, объ его службѣ и дѣятельности въ Польшѣ и о составленной имъ „Государственной уставной грамотѣ Россійской имперіи“ должны быть теперь разсматриваемы при лучахъ свѣта, бросаемыхъ даннымъ документомъ.

Профессоръ **Дм. Цвѣтаевъ.**

[1]) То, что она находится въ папкѣ бумагъ Новосильцева, найденныхъ въ бывшемъ Варшавскомъ Обществѣ любителей наукъ между бумагами „Сташица“, не рѣшаетъ еще вопроса. Другіе документы, имѣющіеся въ той же папкѣ и сшитые съ этой запиской, не могутъ имѣть никакого отношенія къ Сташицу; это именно—черновикъ протеста Новосильцева предъ Высшей судебной палатой на ея рѣшеніе по дѣлу о судившихся членахъ тайныхъ обществъ, черновики нѣсколькихъ писемъ и сообщеній государю, в. кн. Константину и т. п. Однако извѣстно, что отношенія Новосильцева съ Сташицемъ были хорошія, и Сташицъ предложилъ и рекомендовалъ его въ почетные члены Общества любителей наукъ, называя его „мужемъ ученымъ“. См. это предложеніе въ нашемъ трудѣ: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ“, т. II, кн. 2, стран. 224.

1. **Отношеніе Дибича къ Новосильцеву** 31 іюля 1826 года, изъ Москвы. „Государь императоръ соизволилъ принять съ отмѣннымъ благоволеніемъ донесенія вашего высокопревосходительства отъ 22 іюля (3 августа) сего (1826) года.

„Его величеству пріятно было изъ онаго вновь удостовѣриться, что вы, милостивый государь, посреди трудовъ по дѣламъ, попеченію вашему ввѣреннымъ, обращаете бдительное вниманіе и на ту важную часть общественнаго воспитанія, которая, дѣйствуя хотя неявно и не непосредственно на умы юношества, часто образуетъ характеръ новыхъ поколѣній и заранѣе опредѣляетъ судьбу ихъ, а иногда и будущую судьбу государства. Въ семъ отношеніи, конечно, распространеніе сочиненій, писанныхъ въ духѣ, противномъ соединенію, необходимому для обоюдной пользы націй, нынѣ, по волѣ Небеснаго Промысла, подвластныхъ одной державѣ, могло бы имѣть вредныя послѣдствія, и его императорское величество вполнѣ одобряетъ принятыя государемъ цесаревичемъ, съ доклада вашего, для предупрежденія оныхъ мѣры. Его величество равнымъ образомъ одобряетъ предположеніе вашего высокопревосходительства, чтобы во всѣхъ училищахъ, какимъ бы начальствамъ они ни были подвѣдомственны, преподаваніе общихъ наукъ, нравственныхъ, историческихъ и политическихъ, было подчинено надзору комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ точности сообразно съ предписанными отъ оной правилами и по книгамъ, ею разсмотрѣннымъ. Надлежащія распоряженія для приведенія сего въ дѣйствіе, безъ сомнѣнія, уже сдѣланы. Если же, противъ чаянія, вамъ встрѣтились какія-либо препятствія или затрудненія, то вы, милостивый государь, не замедлите донести о томъ его императорскому величеству“.

„Государь императоръ при семъ случаѣ всемилостивѣйше пове-

лѣлъ мнѣ сообщить вашему высокопревосходительству, что онъ не только соизволяетъ, чтобы, продолжая представлять его величеству всѣ нужныя или почему-либо важныя свѣдѣнія такъ же, какъ вы представляли оныя въ бозѣ почившему императору Александру, но и желаетъ сего. Для объявленія же въ предбудущее время вашему высокопревосходительству высочайшей его величества, вслѣдствіе донесеній вашихъ, воли и вообще для завѣдыванія перепискою по сей части его величество благоволитъ назначить статсъ-секретаря своего, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Блудова".

„Имѣю честь быть" и проч.

2. **Отношеніе статсъ-секретаря Будберга Новосильцеву**, 12 октября 1826 г., изъ С.-Петербурга. „Отношеніе вашего высокопревосходительства, отъ 17 сентября за № 1500 и пакетъ на высочайшее имя, къ коему оное было приложено, получены мною только 6-го числа сего мѣсяца, уже по возвращеніи изъ Москвы. Я поспѣшилъ представить ихъ на усмотрѣніе государя императора, и его величество, одобривъ снова всѣ сдѣланныя ваши распоряженія, повелѣлъ мнѣ извѣстить ваше высокопревосходительство, что, принимая всегда съ отмѣннымъ вниманіемъ и благоволеніемъ доставляемыя отъ васъ свѣдѣнія, онъ желаетъ, чтобы вы, милостивый государь, продолжали эту переписку на томъ же основаніи, тѣмъ же самымъ порядкомъ, которому слѣдовали при жизни въ бозѣ почивающаго императора Александра, употребляя также по-прежнему, въ сихъ донесеніяхъ вашихъ, языкъ французскій, дабы тѣмъ удобнѣе было сообщить оныя, въ случаѣ надобности, министру статсъ-секретарю Царства Польскаго".

„Исполняя данное мнѣ высочайшее повелѣніе, я осмѣливаюсь воспользоваться симъ случаемъ, чтобы изъявить вамъ, милостивый государь, сколь для меня лестно видѣть себя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ вашимъ высокопревосходительствомъ по дѣламъ службы августѣйшаго монарха. Вашему высокопревосходительству извѣстно, что я привыкъ издавна питать глубокое чувство уваженія къ особѣ вашей. Сіе чувство не могло измѣниться отъ времени; лѣта и опытъ научаютъ насъ еще выше цѣнить достоинства истинныхъ государственныхъ людей".

„Примите, милостивый государь, увѣреніе въ высокопочитаніи" и проч.

Сенаторъ Н. Н. Новосильцевъ, комиссаръ императорско-царскаго величества въ Царствѣ Польскомъ, кромѣ участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и совѣта управленія царства, имѣлъ при императорѣ Александрѣ I своею обязанностію сообщать государю о положеніи различныхъ дѣлъ и о настроеніи умовъ въ царствѣ, при

чемъ предлагалъ или иногда, прямо или посредственно, принималъ тѣ или иныя мѣры въ направленіи интересовъ общеимперскихъ. Указомъ Александра I (19 ноября) 1 декабря 1815 г. онъ былъ назначенъ „полномочнымъ его императорскаго величества делегатомъ при государственномъ совѣтѣ царства польскаго"; постановленіемъ намѣстника князя Заіончека (3/15 мая 1816 г.) за нимъ оффиціально было признано право и обязанность присутствовать на засѣданіяхъ и совѣта управленія, гдѣ въ протоколахъ означался прямо „комиссаромъ" (Kommissarz jego Cesarsko—Krolewskiej mosci). Императоръ Николай I, по вступленіи на престолъ, утвердилъ (22 января 1826 г.) его въ прежнемъ званіи делегата при государственномъ совѣтѣ (delegowanym i pełnomocnikiem naszym przy Radzie stanu naszego Krolestwa Polskiego). Однако Новосильцевъ былъ въ недоумѣніи, слѣдуетъ ли ему продолжать прежнюю обширную дѣятельность, основывающуюся на близкихъ отношеніяхъ съ покойнымъ государемъ, котораго онъ былъ и другомъ дѣтства и лицомъ вполнѣ довѣреннымъ. Въ тѣ годы большое вниманіе его привлекали мѣстныя старанія объ усиленіи польскаго сепаратизма. Доводя о нихъ и о принимаемыхъ имъ чрезъ великаго князя Константина Павловича противъ нихъ мѣрахъ до свѣдѣнія новаго государя, онъ ждалъ отвѣта и указаній. Отвѣтъ императора Николая I получился чрезъ генерала Дибича, начальника главнаго штаба его величества, и затѣмъ чрезъ статсъ-секретаря Будберга.

Независимо отъ подтвержденія дополнительныхъ уполномочій Новосильцеву и отъ свидѣтельства о вниманіи къ нему новаго государя, оба эти оффиціальныя „отношенія" къ Новосильцеву, особенно первое изъ нихъ, важны по раскрывающемуся въ нихъ взгляду Николая I на задачи и характеръ русско-польскихъ отношеній и на направленіе ихъ чрезъ литературу и школу.

Дм. Цвѣтаевъ.

...ГОСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА